
ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1₍₁₈₎

ВЕСНА — ЛЕТО
2013

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- Е.И. Кычанов. Тангутский документ инв. № 6164 из коллекции ИВР РАН 5
- Дай Юань гурун-и судури (История Великой Небесной империи). Фрагмент тетради IV. Перевод с маньчжурского языка Л.В. Тюрюминой, под редакцией и с предисловием Т.А. Пан Имру' аль-Кайс. Му'аллака. Перевод с арабского и комментарий Ф.О. Нофала 9 24
- Имруулькайс. Муаллака. Литературный перевод с арабского языка А.А. Доличиной, предисловие Вал.В. Полосина 33
- Сутра Махаяны, именуемая «Наставление [касательно] предсказания, [данного царю] Аджитасене». Предисловие и перевод с санскрита М.И. Воробьевой-Десятковской, С.Х. Шомахмадова 39
- «Повесть о земле Бали» — «искусственная» хроника начала XIX в. Перевод с малайского языка и вступительная статья Л.В. Горяевой 51
- «Апта-ваджрасучи-упанишада» («Полная упанишада об Алмазной игле»). Предисловие, транслитерация, перевод с санскрита и комментарии С.Л. Бурмистрова 65

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.Л. Хосроев. Новый Завет в коптском «Апокалипсисе Петра» (*Nag Hammadi Codex* VII. 3: 70.13–84.14) 79
- Ю.А. Иоаннесян. Некоторые аспекты «возвращения», или «второго пришествия» в религиозных учениях 83
- И.А. Алимов. Заметки о сяошо: «Юй линь» 99
- Н.С. Яхонтова. Санскритско-тибетско-монгольские параллели: эпитеты рек 109
- Р.Ю. Почекаев. «Закон» Мандухай-хатун для ойратов и особенности развития монгольского права в «темные века» 123
- И.Т. Канева. Вставные предложения (на материале текстов позднешумерского периода) 138

<i>И.С. Гуревич.</i> Грамматическая стилистика буддийских текстов: синтаксические ресурсы (связка 是; анафора и эпифора)	149
<i>Д.В. Цолин.</i> Перифрастические формы императива и юссива в арамейском языке таргумов	159

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>М.А. Гизбулаев.</i> Сира в арабской литературе Дагестана. Арабская рукопись XVIII в. «Васаил ал-лабиб 'ала фадаил ал-хабиб»	170
<i>С.М. Якерсон.</i> Карасубазарский кодекс «Поздних Пророков» в собрании ИВР РАН (D 62). Заметки к его истории, локализации и датировке	176
<i>О.В. Дьякова, А.Л. Ивлиев.</i> Первый эпитафический памятник мохэской культуры (некрополь Монастырка-3)	190
<i>Мунхцэцэг Энхбат.</i> Маньчжурская «парная надпись» из коллекции Национальной библиотеки Монголии	198

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

<i>В.Ф. Минорский.</i> Курды — потомки мидян. Публикация, предисловие и комментарии <i>З.А. Юсуповой</i>	206
<i>С.И. Марахонова.</i> Институт Гарвард-Яньцзинь и образовательная политика США в Азии в 1930–1950-е годы (по источникам архивов Кембриджа, США)	212
<i>Т.В. Ермакова, Е.П. Островская.</i> Анонимный перевод первой главы трактата Васубандху (IV–V вв.) «Абхидхармакоша» из Архива востоковедов ИВР РАН	223
<i>С.С. Сабружова.</i> Образцы буддийских грамот из коллекции архивных материалов А.М. Позднеева	236
<i>М.В. Фионин.</i> Греческая рукопись D-227 из собрания ИВР РАН (археографический анализ)	242
<i>Морисита Нобуко.</i> Практические сведения для поиска арабских и персидских рукописей в разных странах (на англ. яз.)	247
<i>Е.В. Гусарова.</i> Вячеслав Михайлович Платонов (1941–2012) — исследователь эфиопских рукописей	258

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>А.В. Зорин.</i> Первые петербургские тибетологические чтения	274
<i>В.В. Щеткин.</i> «Невские чтения»: международный симпозиум в честь 120-летия со дня рождения Н.А. Невского	276
<i>А.В. Зорин.</i> V Международный семинар по тибетологии в Пекине	278
<i>Т.В. Ермакова.</i> Шестые всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга	282
<i>С.Ю. Рыженков.</i> Четвертая международная конференция «Культура Семи мудрецов из бамбуковой рощи» 第四届“竹林七賢文化”國際學術研討會. КНР, Юньтайшань 雲台山 (24–25 ноября 2012 г.)	286
<i>Т.А. Пан.</i> Немецко-русская рабочая конференция по изучению Центральной Азии, 14–15 марта 2013 г., Берлин (Германия)	289

На четвертой сторонке обложки:

Еврейская библия из коллекции ИВР РАН, шифр D-62

Над номером работали:

Г.О. Ковтунович
А.А. Ковалев
О.В. Мажидова
О.В. Волкова
А.Е. Танчарова
Е.А. Проница

РЕЦЕНЗИИ

Юрий Рерих: Живое наследие. Материалы к биографии. Вып. 1: Сборник статей и интервью. — М., ГМВ, 2012. — 224 с., илл. (<i>И.В. Кульганек</i>)	291
<i>Т.Г. Скороходова.</i> Бенгальское Возрождение: Очерки истории социокультурного синтеза в индийской философии Нового времени. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. — 320 с. (<i>С.Л. Бурмистров</i>)	293
<i>С.Ф. Ольденбург.</i> Этюды о людях науки / Отв. ред. С.Д. Серебряный; сост., автор предисл. и коммент. А.А. Вигасин. — М.: РГГУ, 2012. — 478 с. (<i>Е.П. Островская</i>)	297

IN MEMORIAM

© Российская академия наук, 2013
© Институт восточных рукописей РАН, 2013

Евгений Иванович Кычанов (1932–2013) (<i>И.Ф. Попова</i>)	303
Евгений Александрович Серебряков (1928–2013) (<i>Д.И. Майцкий</i>)	307

Дай Юань гурун-и судури (История Великой Небесной империи)

Фрагмент тетради IV

Перевод с маньчжурского языка Л.В. Тюрюминой,
под редакцией и с предисловием Т.А. Пан

Предлагаемая публикация перевода с маньчжурского языка отрывка из четвертой тетради «Истории Великой империи Юань», выполненного Л.В. Тюрюминой, является дополнением и вариантом перевода П.И. Каменского, опубликованного в книге «История Небесной империи» (Новосибирск, 2011, с. 123–132). Перевод, приведенный ниже, является более точным и раскрывает новые данные по истории монголов XIII в.

Ключевые слова: династия Юань, Юань ши, Дайчинь гурунь-и судури битхэ, история монголов, П.И. Каменский, маньчжурский язык.

Согласно историографической традиции, сложившейся еще в самые ранние периоды истории Китая, новая правящая династия составляла историю правления предыдущей династии. Именно поэтому составление официальной истории династии Юань, «Юань ши», было начато в первый же год правления следующей китайской династии Мин — в 1369 г. С провозглашением маньчжурской династии Цин в 1636 г. первый маньчжурский император Хун Тайчжи приказал сделать перевод на маньчжурский язык историй некитайских династий — Ляо, Цзинь и Юань — для того, чтобы проанализировать успехи и неудачи этих правлений. Этот факт объясняется тем, что, несмотря на существование династии Мин, первые маньчжурские правители ставили своей целью завоевание всего Китая, говоря: «С древности и поныне один за другим появлялись просвещенные правители, и не было таких, кто бы не действовал в соответствии с этим. И хотя государства Дайлиоо и Айсинь (Золотое. — *Т.П.*) не смогли объединить Поднебесную, тем не менее государство Дайлиоо владело половиной Поднебесной, государство Айсинь — больше чем половиной, а государство Дай Ювань объединило всю Поднебесную! Их правления и постановления можно принять за образец» (Пан, 2006, с. 164). Маньчжурские переводы историй трех династий были одновременно представлены трону в 1644 г., накануне вступления маньчжуров в Пекин, и были изданы ксилографическим способом уже в Пекине в 1646 г.

Эти тексты имели широкое распространение в Пекине в последующее время, поэтому неудивительно, что они оказались в руках первых историков цинской династии — миссионеров Пекинской духовной миссии в Китае. Студент 11-й Миссии Г.М. Розов (1808–1853) перевел на русский язык с маньчжурского «Историю династии Цзинь» (Айсинь гурунь-и судури битхэ), а глава 10-й Миссии П.И. Каменский (1765–1845) — «Историю династии Юань» (Дай Ювань гурунь-и судури). Обе рукописи долгое время хранились в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН и стали известны широкой научной общественности благодаря их изданию

в серии «История и культура востока Азии», предпринятому сотрудниками Института археологии и этнографии СО РАН под руководством В.Е. Ларичева¹. В первом томе книги «История Небесной империи» представлен перевод с маньчжурского языка шести тетрадей-*дэбтэлинь* «Юань ши» (из 32 тетрадей). При этом первые три тетради даны в переводе Л.В. Тюрюминой, следующие три — в переводе П.И. Каменского. Такой выбор материала объясняется редактором следующим образом: «Ознакомление же с рукописью (перевода Каменского. — *Т.П.*) <...> разочаровало многих специалистов не только вследствие своего черного характера, но и потому, что он выполнен в манере, принятой в конце XVIII в., допускающей не точный, как положено ныне, перевод текста летописи на русский, а по существу переложение (даже порой беглый пересказ) с многочисленными пропусками. Это обстоятельство и обусловило решение осуществить заново перевод жизнеописаний Чингис-хана, трех его преемников, а также частично пятого — Хубилая (курсив В.Е. Ларичева)... Решимость же выполнить задуманное практически определила наличие в составе сектора истории и археологии стран зарубежного Востока Института археологии и этнографии СО РАН Людмилы Васильевны Тюрюминой — высокого класса знатока маньчжурского языка» (История Небесной империи, 2011, с. 17).

Различие между двумя переводами можно продемонстрировать на примере хорошо известного исторического эпизода, связанного с созданием монгольского квадратного письма. В переводе П.И. Каменского он выглядит следующим образом:

«Во второй луне Паспа-лама (патриарх идололаторский) по указу императора совершил написание мунгальских литер с грамматическим оных употреблением. Всех гласных и безгласных литер положил 41. По соединении в слоги около 1000. Император, получив оные, издал следующий манифест: „Мы доходим, что из литер сопрягаются слоги, а из слогов составляются целые деяний речи или периоды. Наше царство произошло из Севера, в своих началах было просто и непросвещенно и потому сих заведений открыть еще не успело. Если же бы мы и могли прежде иметь письменна, то б не инаковые, как китайские. Мы видим, что все царства Айчжинь, Дайляо и другие отдаленнейшие все имели особенные свои письма. Но теперь и наше царство мало-помалу распространяет свое просвещение, без которого б в приведении до совершенства нашего правления немалые открылись недостатки. А отселе повелеваем всякого рода дела производить на нашем мунгальском языке, других же языков к оным приобщать только переводы“. Император оного Пасбаламу пожаловал герцогом с титулом чудные мудрости» (История Небесной империи, 2011, с. 126).

Перевод Л.В. Тюрюминой более точно передает маньчжурский текст:

«Во 2-й луне Пасба-лама (Пагба-лама. — *Л.Т.*) [по приказу хана осуществил реформу монгольской письменности], создал монгольское [квадратное слоговое] письмо [по образцу тибетского алфавита] и поднес [его] хану Си-цзу. В этом письме более тысячи *хэргэнь* (букв) [и слогов]. *Эмэ* (матерей. — *Л.Т.*) [т.е. гласных и согласных звуков?] в нем — 41. Пишут, соединяя две, три, четыре, пять букв, следующих друг за другом сверху вниз. Были спущены указы о распространении этого алфавита в Поднебесной. Слова [одного из] указов: „Мне представляется: буквы [этого] алфавита составляют слова. Словами делают записи о делах. Наш народ пришел из северных земель, чтобы положить основание [державы, подобной] этим древним и нынешним [уже] утвердившимся державам, но, будучи издавна простодушным

¹ Перевод Г.М. Розова опубликован в: История Золотой империи, 1998; перевод П.И. Каменского в: История Небесной империи, 2011.

и скромным, не удосужился сделать [записи о своих делах]. Когда случай [требовал] применения письма, то для передачи слов нашего народа непременно использовали китайские и уйгурские [письменные знаки] — буквы [и иероглифы]. Если исследовали [истории] Дай Ляо, Айсинь и прочих далеких государств, то [выяснилось, что] у каждого из всех государств существует письменность. Ныне в нашем государстве гражданское управление мало-помалу приходит в цветущее состояние. Но если в нашем государстве не будет [своей] письменности, то законы, с помощью которых управляют [всем] миром, станут поистине увечными [и убогими]“, — сказав так, поручил царскому наставнику (*шифу*) Пасба-ламе (Пагба-ламе. — *Л.Т.*) положить начало созданию [собственного] монгольского письма. Писать, переименовая [знаки] какого-нибудь [чужого] письма, и объявлять о делах [только] словами сведущих [в литературе мастеров] — [с этим] покончено. Отселе впредь [в делопроизводстве] — в надписях на печатях и в объявлениях — употреблять монгольские письмены, а письмены других государств использовать [лишь] совокупно [с монгольскими]! Затем после этого возвел Пасба-ламу (Пагба-ламу. — *Л.Т.*) в достоинстве Да-бао-фа-ван (великий драгоценный волшебник-князь) и заменил [его] печать на нефритовую».

В.Е. Ларичев прав, характеризуя переводы маньчжурских и китайских текстов на русский и другие европейские языки в XVIII–XIX вв. как пересказы и переложения. Целью первых исследователей истории Китая было ознакомление с содержанием текстов, и лишь с возникновением научной традиции перевода задачей переводчика стала адекватная передача текста, описываемых реалий с максимально возможным сохранением стиля и языка памятника. Перевод с маньчжурского языка Л.В. Тюрюминой точно передает структуру и содержание оригинала. Тем не менее и современный переводчик сталкивается с определенными трудностями перевода и интерпретации текста, так же как и те люди, которые переводили китайский текст «Юань ши» на маньчжурский язык. Ведь неспроста в списке лиц, участвовавших в работе над маньчжурским переводом, указано, что «статс-секретарь Ван Вэнь-куй, его помощник Лю Хун-юй и другие при разрешении сомнений устно объясняли смысл китайских книг» (История Небесной империи, 2011, с. 22). Их пояснения напечатаны в маньчжурском оригинале меньшим шрифтом, чем основной текст, а в ниже публикуемом переводе Л.В. Тюрюминой они вынесены в постраничные сноски.

Поскольку перевод на маньчжурский язык был сделан с китайского текста, то в маньчжурском тексте личные имена, топонимы, названия должностей переданы китайскими словами в маньчжурской транскрипции. В представленной в редколлегия журнала рукописи в некоторых случаях Л.В. Тюрюмина предлагала переводить эти личные имена дословно, что было отражено в ее комментариях в постраничных сносках. Например, к предложению «Корейский ван Ван-чжи то торопил, то откладывал [отплытие монгольского посла в Японию]» переводчица давала сноску со следующим текстом: «Принятые за имя собственное китайские глаголы *по* и *чи* (в летописи: *пу чи*) „торопить и откладывать“ выполняют функцию обстоятельства образа действия — „то торопя, то откладывая“. Маньчжурское *эбунгэ* — «по имени» из текста исключаем». Это значит, что слова *по чи эбунгэ* она предлагает переводить как «*то торопил, то откладывал [отплытие монгольского посла в Японию]*». Я же считаю, что в тексте просто указано имя посла *Пучи* (притом что маньчжурское слово *эбунгэ* всегда указывает на имя собственное). Также понял это предложение и П.И. Каменский, переведя его как: «Между тем оный корейский владетель прислал военного генерала *Пудзия* к мунгальскому двору с поздравлением государя на день его рождения» (История Небесной империи, 2011, с. 124).

Таких мест в тексте перевода Л.Т. Тюрюминой было довольно много, но они все были отражены в сносках с указанием маньчжурских слов. При желании читатель мог бы их восстановить. Этот же метод перевода был использован Л.Т. Тюрюминой при издании первого тома «Истории Небесной империи». Имея в виду, что каждый перевод — это в определенной мере интерпретация переводчиком оригинального текста, я все же не считаю, что догадки переводчицы верны в каждом конкретном случае. Основная причина заключается в том, что мы не можем точно сказать, какой иероглиф имелся в виду при его транскрипции маньчжурским переводчиком. В связи с этим я взяла на себя смелость отредактировать представленный в редколлегию журнала перевод и «вернуть» в текст маньчжурские транскрипции имен и топонимов. При этом следует напомнить, что маньчжурские переводчики использовали китайскую версию «Юань ши» и давали японские и корейские имена в их китайском чтении.

В круглых скобках указаны страницы маньчжурского оригинала по ксилографу из коллекции Института восточных рукописей РАН: маньчжурский фонд, шифр С 143 ху 1, тао 1, тетр. 4; в квадратных скобках даны пояснения переводчицы. В сносках даны комментарии маньчжурских переводчиков, которые помещены в оригинале внутри основного, но более мелким шрифтом.

Предлагаемый перевод Л.В. Тюрюминой является отрывком из четвертой тетради *дэбтэлин* маньчжурского перевода «Юань ши» и соответствует тексту перевода П.И. Каменского (История Небесной империи, 2011, с. 123–130). В связи с тем, что в настоящее время в России мало специалистов, занимающихся маньчжурскими памятниками, публикация новых переводов всегда вызывает научный интерес. Думаю, что сравнение двух вариантов перевода даст новые сведения по истории монгольской династии XIII в.

Перевод

(1а) Третий год [эры правления] Цзы-юань (Чжи-юань 1266 г. — Л.Т.), шестая луна. Отправил амбаня по имени Сай-дянь-чи с приказом: «Заставляй приводить в исполнение правительственные распоряжения (управление дворцового секретариата. — Л.Т.) в пяти областях губернии Шаньси!». Сай-дянь-чи в течение трех лет увеличил [народонаселение государства] на 9500 семей, заставил их и войска расширить [пахотные земли] на 12 255 *ли* и сеять [на них хлебные злаки. С тех земель] было получено зерно [в количестве] 97 021 *хулэ*-куля. Об этой заслуге амбани ямыня *чжуншуншэн* представили хану Си-цзу (Ши-цзу. — Т.П.) доклад, после чего хан наградил [Сай-дянь-чи] 5000 *лян* серебра и сказал: «Рассматривай дела тех же самых пяти областей губернии Шаньси и управляй всеми — и крупными, и мелкими чиновниками!»

В двенадцатой луне хан Си-цзу командировал в государство Жибэнь² (Япония. — Л.Т.) двух амбаней Хэди и Иньхуна с письмом следующего содержания: «Письмо императора (*хуанди*), (16) посланное князю (*вану*) государства Жибэнь. Мне представляется: со времен древности, когда маленькое и большое государства жили, соприкасаясь границами, непременно заботились о том, чтобы стать верными и единодушными. Кроме того, когда мой дед [Тай-цзу Чингис-хан], приняв волю Неба, приобрел все Срединное государство, то бесчисленное [количество] отдаленных стран и разных государств изъявило [ему] покорность, страхась могущества и думая об [его] добродетелях. После моего восшествия на престол я подумал: корейский народ, быть

² Ж и б э н ь — это государство [народа] *аосэ* (*аоцзы? айны?* — Л.Т.).

может, погибнет на остриях мечей, не имея [никакой] вины, тогда я прекратил военные действия и возвратил [корейцам всю военную] добычу. Отправил назад взятых в плен старых и малых. После этого корейский правитель, помня о великой милости, приходит для поклонения. Если оценивать [это с точки зрения долга и] нравственности, то [мы] — только хан и вассал, но из-за того, что радуемся [происшедшему, мы] подобны отцу и сыну. [Мне] представляется: вы, правитель и амбани, вероятно, об этом также давно уже (2а) знали, [потому что] Корея — у моих восточных границ, а ваше государство — навеки ближайшее к Корее государство. Кроме того, со времен установления связей с государствами существует закон, по которому в центральное государство постоянно отправляются [послы]. Но поскольку вплоть до наступившей для моей особы поры и одного посла [от вас] ради общей хорошей жизни не отправлялось, то стал опасаться, что [ваше] княжеское государство не знает [о существующем законе]. И потому исключительно [из-за этого] вручил письмо и отправил послов с разъяснениями моих мыслей. Отселе впредь, став хорошими, два государства желают расспрашивать о здоровье и жить во взаимной любви и согласии. Кроме того, мудрецы [всех людей] внутри четырех морей считались [представителями] одного дома. Стать взаимно хорошими, но не ходить [друг к другу] — не является законом одного дома. Кто желает употреблять войска?! Ван, обдумай-ка [все]!».

Затем спустил указ в Корею: «Укажите [путь по морю] и препроводите моего посла в государство Жибэнь!» (2б) Корейский ван Ван-чжи то торопил, то откладывал [отплытие монгольского посла в Японию], командировал крупного военачальника Пучи, [который] прибыл [к монголам] для поздравления с радостным событием — днем рождения хана Си-цзу.

Монгольский амбань по имени Наму разграбил местность Цихуань и захватил 10 000 человек. По завершении строительства большого храма (кит. *тай мяо*) министры (*чэнсяны*) Ань-тун и Бэянь словесно доложили хану Си-цзу: «Распределив по коленам родства, пожалуем-ка предкам посмертные почетные имена! Умножив [число] предков — от Тай-цзу до четвертого колена, [т.е. до прадеда Чингис-хана], — поставим-ка жертвенные столы в домах каждого из них и будем приносить жертвы [их] духам! В храме Тай-цзу поставим-ка в ряд [таблички] его заслуженных сановников! Следует высказать мысли для утверждения постановления обо всех делах, [касающихся] жертвенного платья, жертвенных сосудов и прочего». После доклада хан Си-цзу дал поручение амбаню Чжао Би: собрать всех амбаней; обговорив, утвердить постановления, [касающиеся жертвоприношений]; (3а) построить восемь домов [для духов предков царствующего дома]³.

В одиннадцатой луне было положено начало: чиновникам столичных городов, областей, округов, уездов выдавать жалованье, а пахотные земли жаловать в зависимости от ранга. Было запрещено резать крупный рогатый скот и лошадей.

В четвертый год [эры правления] Цзы-юань (1267 г. — *Л.Т.*), во второй луне Ань-тун словесно доложил хану Си-цзу: «Прежде в [созданном Елюй Чуцаем] великом императорском секретариате у [его директора] *пин-чжан чжэн-ши* на левой [и правой] сторонах было по одному помощнику — (*ю-чэн* «правый помощник» и *цзо-чэн* «левый помощник»). — *Л.Т.*) Ныне же только *чэнсянов* (министров) стало пять! С древних времен нет закона, подобного этому! Мы обсудили на общем совете и решили: «Назначь-ка двух *чэнсянов*!» А в [функции] наших трех монгольских должностей пусть хан внесет ясность!» После доклада хан Си-цзу принял его слова и спу-

³ Таким образом, возвеличив предков, построили дома: для четырех ханов, начиная от Ши-цзу (т.е. для Ши-цзу, Сянь-цзуна, Дин-цзуна и Тай-цзуна. — *Л.Т.*), и для предков четырех поколений, начиная от Тай-цзу (т.е. для Тай-цзу Чингис-хана, его отца, его деда и его прадеда. — *Л.Т.*).

тил указ, [по которому] Ань-тун был назначен министром первого класса, а Сы-тянь-цзы — министром второго класса. После этого сказал: «Прочих монгольских и китайских чиновников используйте на службе совокупно и не позволяйте [им] выходить из [примерной] сметной суммы!»

В шестой луне корейцы (3б) Сун-цзюнь-фэй и Цзинь-цань указали [путь по морю], но не препроводили в Японию командированного [ханом Си-цзу амбаня], который [когда-то] объединился с [ханским] младшим братом [Алибугу], вовлекал [в мятеж] и обманывал [других], поэтому [монгольский посол] вернулся назад. После чего хан Си-цзу, обвиняя корейского вана Ван-чжи, спустил указ, в котором было также сказано: «Ты командируй своего чиновника в государство Жибэнь, чтобы пересказать мои мысли! Непременно выполни это дело!»

В седьмой луне монгольский амбань по имени Ачжу ограбил местности у [сунского города] Сяньян, захватил 50 000 человек и 5000 [голов] лошадей и крупного рогатого скота. Одерживал победы над пешими и конными войсками, преграждавшими [ему] путь.

Амбань по имени Лю-чжэн вошел к хану Ши-цзу и сказал: «Правитель династии Сун, ставший слабым, и [его] амбани, ставшие строптивыми, пребывают в одной окраине [государства]. Ныне — в пору объединения Поднебесной в единую державу — я подобно псу, подобно лошади желаю проявить [свои] силы. Сначала возьмем-ка в осаду город Сяньян и разрушим этот оплот [государства Сун]! Обсуди на общем совете эти слова!». При обсуждении [его предложение] не было принято, после чего Лю-чжэн (4а) снова высказался в словесном докладе: «Со времен древности совершенно [обоснованно] в своды узаконений императоров (*ди*) и князей (*ван*) не включают непризнание за один дом [всего, что находится] внутри четырех морей. Совершенно мудрая династия приобрела семь из восьми частей Поднебесной, и только одна [ее] окраина не успокоена. [Так] почему отброшена возможность полного [ее приобретения]?!». Хан Си-цзу сказал: «Мои мысли [давно уже] совершенно утвердились», — и принял его слова.

В девятой луне хан Си-цзу спустил указ в государство Аньнань (Аннам. Вьетнам. — *Л.Т.*), и ван этого государства пришел предоставить дань. [Его] сыновья и внуки были взяты в заложники. В его губерниях был назначен один *даругачи* [с заданием] собрать положенное число простолюдинов для переписи и сделать [их] военными; собрать пошлины и прямую подать.

В пятый год [эры правления] Цзы-юань (1268 г. — *Л.Т.*), в первой луне корейский ван Ван-чжи командировал своего младшего брата Ван-чана, [который] пришел для челобитья, после чего хан Си-цзу назвал корейского вана лицемером и сразу же, [прямо] в лицо Ван-чану, (4б) чрезвычайно обвинил [и оскорбил корейского правителя], докапываясь [до самого корня] его проступков.

Хан Си-цзу вручил указ амбаням Йон-ей-сунь-то и Мэн-цзя и отправил их к Ван-чжи (корейскому вану? — *Л.Т.*). Слова того указа: «Законы, утвержденные ханом Тай-цзу, гласили: „Любое изъявившее покорность государство, присылай заложников! Оказывай помощь войсками! Поставляй хлеб! Построй почтовые станции! Собирай семьи народа для переписи! Назначай чиновников!“ [По поводу] этих [распоряжений в Корею] постоянно спускали для объявления в народе понятные [и ясные] указы, [которые вывешивались на площадях]. День за днем, откладывая выполнение [распоряжений, корейцы так] до сих пор и не сказали одно слово: „выполним“. [Да], было, что во времена хана Тай-цзуна [корейский] ван [Ван-чжи] прислал [своего сына] Ван-чжуня (в 1241 г. — *Л.Т.*) в заложники, а также кое-как строил почтовые станции. Но прочие из этих [распоряжений: помощь войсками, поставку хлеба, пере-

пись населения и назначение чиновников] — не выполнил. Ныне расспрашиваю о делах [перед тем, как] пойти войной на государство Сун: „Сколько у вас вспомогательных войск и судов? Немедленно собери хлеб для поставки [войскам] и сделай [хлебные] склады в тех же местах! Что скажешь об этих делах: о назначении чиновников и сборе семей народа для переписи?“. (5а) Ради этих вопросов [посол] и послан».

В четвертой луне корейский ван Ван-чжи командировал своего *шилана* Ли Цан-юня, и вручил [ему] поздравительный адрес [с выражением верноподданнических чувств]. И [*шилан*] прибыл вместе с [монгольским послом] — тем, кто встречал и накапливал [монгольские семьи]. Хан Си-цзу сказал ведавшему складами и расходами: «Ты отправляйся и уведоми своего правителя о моем приказе: „Скорее собери верные сведения о численности [своих] войск и представь доклад!“». Я отправлю людей, [которым] поручу управлять [этими корейскими войсками]. Может быть, ныне при появлении [наших] войск вы будете недоумевать: „Куда [это они] наверняка отправляются? На государство ли Сун пойдут войной или на государство Жибэнь?!“ [Скажи] своему правителю: „Построй тысячу судов, на которых можно будет переплыть через Великое море и можно поместить [на них] четыре тысячи *хулэ*-кулей [съестных припасов]!“». Ведавший складами и расходами ответил: «Приказу о корабельных делах сможем подчиниться. Но вот только вследствие малочисленности народа скажу, что едва ли можно будет договориться [относительно численности войск]. В давние времена в нашем государстве было сорок тысяч воинов. В [последний] 30-летний (5б) промежуток времени многие умерли на войне и от болезней. Ныне войск нет, хотя и существуют звания: „командир десятка семей“, „командир пяти десятков семей“, „командир сотни семей“, „командир тысячи семей“». Хан Си-цзу сказал: «Если говоришь: „Есть умершие“, — то ведь также есть и родившиеся!». Ведавший складами и расходами ответил: «Хотя [благодаря] добродетелям и милости хана со времени отступления войск и есть родившиеся, но [им] исполнилось только по десять лет». Хан Си-цзу снова сказал: «От вас приходили и вот что говорили о делах внутри морей: „Когда ветер попутный, то государство Сун достигают на третий день, а государство Жибэнь — в первый же день“. Поместить зерно на суда, выловить из моря рыбу и съесть [ее] — что [из этого] невозможно выполнить?! Ты возвращайся [домой] и перескажи эти слова твоему правителю!»

В пятой луне монгольский главнокомандующий (*ду юаньшуйай*) по имени Бэчжану осадил и взял поддерживаемые (ба) и зависимые от династии Сун военные [северные китайские крепостцы] в Цзядин.

В ту пору Поднебесная только что стала успокаиваться, и в ямынях управления дворцового секретариата (*чжунциушэн*) и в верховном военном совете (*циумиюань*) накопилось много дел. Рассуждающий [о делах] чиновник (*гисурэрэ хафань*) устно доложил хану Си-цзу: «Назначь-ка в эти два ямыня по два чиновника, которые будут подгонять в делах!» Но Гао Мин сказал хану Си-цзу: «Когда находят хорошего чиновника, то дела сами собой не накапливаются. Когда начинают наводить справки [о делах], то человек бывает усердным [и старательным]. Прекрати-ка дополнительное назначение внешних чиновников!» И хан Си-цзу принял [его] слова.

Корейский ван Ван-чжи командировал своего амбана по имени Суй-дун-сю, бывшего сказать: «Наше государство поставило [в строй] 10 000 воинов, построило тысячу судов и ждет [дальнейших указаний]», — после чего хан Си-цзу высказал [свой] мысли амбаню по имени Тото-эл: (6б) «Произведи смотр корейских войск и иди взглянуть на ведущую к Японии дорогу в местах [гор] Хэсань! (Хэйшань. — Л.Т.)», — и отправил [с этим приказом].

Хан Си-цзу назначил главнокомандующим амбана по имени Лю-чжэн и приказал: «Объединив [свои войска] с войсками главнокомандующего Ачжу, вместе с ним обсуди дела на общем совете!» После этого Лю-чжэн вместе с главнокомандующим Ачжу принял войска и пошел войной на государство Сун. Когда, осадив три города, Сяньян, Лумэньту и Бахоокэо, 50 000 [воинов] грабили на берегу реки Цзын (Ян-цзы? — Л.Т.), то все войска всех сунских городов, страшась могущества [монгольских завоевателей], запирали ворота и не выходили [сражаться]. В тот раз [монголы] захватили 80 000 человек. В одиннадцатой луне сунские войска вышли из города Сяньян и пришли для нападения на все монгольские лагеря у гор Яньшань. (7а) Главнокомандующий (*юаньшуйай*) по имени Ачжу вступил в бой и нанес [им] крупное поражение. В тех войсках совершили подвиги подведомственные Ачжу 1304 командира и солдата. За подвиг первой степени — взятие врага живым — каждый награждался 50-ю *лянами* серебра. Другие награждались после них в соответствии с чином.

В шестой год [эры правления] Цзы-юань (1269 г. — Л.Т.), в первой луне главнокомандующий (*ду юаньшуйай*) Ачжу принял войска, вошел в сунские местности Фу, Чжэо, Дэаньфу и Цзинсань⁴, взял в плен 10 000 человек и доставил [в свое государство].

Во второй луне Пасба-лама (Пагба-лама. — Л.Т.) [по приказу хана осуществил реформу монгольской письменности], создал монгольское [квадратное слоговое] письмо [по образцу тибетского алфавита] и поднес [его] хану Си-цзу. В этом письме более тысячи *хэргэнь* (букв) [и слогов]. *Эмэ* (матерей) [т.е. гласных и согласных звуков?] в нем — 41. Пишут, соединяя две, три, (7б) четыре, пять букв, следующих друг за другом сверху вниз. Были спущены указы о распространении этого алфавита в Поднебесной. Слова [одного из] указов: «Мне представляется: буквы [этого] алфавита составляют слова. Словами делают записи о делах. Наш народ пришел из северных земель, чтобы положить основание [державы, подобной] этим древним и нынешним [уже] утвердившимся державам, но, будучи издавна простодушным и скромным, не удосужился сделать [записи о своих делах]. Когда случай [требовал] применения письма, то для передачи слов нашего народа непременно использовали китайские и уйгурские [письменные знаки] — буквы [и иероглифы]. Если исследовали [истории] Дай Ляо, Айсинь и прочих далеких государств, то [выяснилось, что] у каждого из всех государств существует письменность. Ныне в нашем государстве гражданское управление мало-помалу приходит в цветущее состояние. „Но если в нашем государстве не будет [своей] письменности, то законы, с помощью которых управляют [всем] миром, станут поистине увечными [и убогими]“, — сказав так, поручил царскому наставнику (*шифу*) Пасба-ламе положить начало созданию [собственного] монгольского письма. Писать, переименовая [знаки] какого-нибудь [чужого] письма, (8а) и объявлять о делах [только] словами сведущих [в литературе мастеров] — [с этим] покончено. Отселе и впредь [в делопроизводстве] — в надписях на печатях и в объявлениях — употреблять монгольские письмена, а письмена других государств использовать [лишь] совокупно [с монгольскими]!». Затем после этого возвел Пасба-ламу в достоинстве Да-бао-фа-ван⁵ и заменил [его] печать на нефритовую.

Хан Си-цзу спустил указ, [в котором] говорилось: «Отселе и впредь совершенно прекратить украшать золотом железные [детали] на такого рода предметах, как седла, уздечки, сапоги, стрелы!»

В шестой луне корейский ван Ван-чжи командировал своего сына-наследника Ван-цзэня, который прибыл к хану Си-цзу для челобитья, после чего хан Си-цзу пожаловал Ван-чжи один [украшенный] нефритом пояс, а [его] сыну Ван-цзэню —

⁴ Фу, Чжэо, Дэаньфу — подведомственные губернии Хугуан.

⁵ Слова *да бао фа ван* означают: «великий драгоценный чудесный князь».

50 лян золота. Сопровождавших [его] чиновников наградил серебром и шелковыми тканями в соответствии с рангом.

В седьмой луне во всех губерниях учредил училища для обучения монгольскому письму. В ханском городе (8б) также было построено училище.

Тысячник (*цяньюху*) монгольского речного военного [флота] (букв.: речного войска. — *Л.Т.*) Син-дэ-ли и Ван Цзы захватили живым *дутуна* Тан-юнь-цзяня из городов сунских [областей] Цзинчжоу и Учжоу, после чего хан Си-цзу наградил Син-дэ-ли и других серебром и шелковыми тканями в соответствии с чином.

Хан Си-цзу командировал чиновников во все губернии для рассмотрения накопившихся дел безвинно осужденных. При отправлении сказал: «Если [обстоятельства] смертного преступления доподлинно ясны [и понятны], то решайте дело сообразно закону! Совершенно заканчивайте следствие по ничтожному, мелкому в сравнении со смертным преступлением нарушению!»

Сунский корпусный командир Хянь Гуй с 3000 воинов пришел на [речных] судах к горам Лумэньсань. Монгольские амбани Цзе-жу-ци и Ли-тин с воинами речного [флота] отрезали [путь сунским судам] и в [речном] бою одержали победу. Были убиты 2000 человек и захвачены 50 судов.

В восьмой луне хан Си-цзу спустил во всех губерниях указ: (9а) «Прилежно занимайтесь земледелием и шелководством!» — и сказал чиновникам ямыня *чжуншуншэн*: «Во всех подробностях и вразумительно опишите работы в земледелии и шелководстве! Чиновник Ань Цзаши, скажи чиновникам округов (*чжоу*) и уездов (*сянь*): „Хотя [люди] и различают [касающиеся] почвы обстоятельства, и этого рода [обстоятельства] встречаются в таковых землях, [все равно] объявите [о них] народу!“»

Сын корейского вана — Ван-цзэнь — прибыл и словестно доложил хану Си-цзу: «Амбани нашего государства самовольно низложили [моего] отца Ван-чжи, а [на престол] возвели младшего брата отца — Ван-чана», — после чего хан Си-цзу командировал в Корею чиновников Вадо Сы-бу-хува и Лиоо расспросить о причине [происходящего]. Когда Сы-бу-хува и Лиоо побывали в Корее и вернулись назад, то чиновник второстепенного управления при корейском *шумиюане* (верховном военном совете. — *Л.Т.*) Фу Сы прибыл [к монгольскому двору], чтобы доставить поздравительный (9б) адрес с выражением верноподданнических чувств от Ван-чана, временно исполняющего обязанности [корейского] вана. В словесном докладе хану Си-цзу сказал: «[И раньше] бывало, что корейский ван Ван-чжи из-за болезни временно поручал управление государственными делами [своему] младшему брату Ван-чану».

В десятой луне хан Си-цзу назначил послом Хэди Сюй-ши-хионя и командировал со словами: «Возьми корейского вана Ван-чжи, [его] младшего брата Ван-чана, старшего амбана Линь-яня и других и в двенадцатой луне приди [с ними]! Встречусь-ка [с ними] лично, расспрошу о причине [беспорядков] и выслушаю правду и ложь о действительно [случившемся]!» Далее, командировал вана по имени Тоу-нянь-го со словами: «Ты прими войско и иди к корейской государственной границе для нападения! Если нарушат назначенный срок и не придут, то непременно введи войско внутрь [Кореи], чтобы вырвать корень [беспорядков]!. [Главарей мятежа] убей!»

В одиннадцатой луне, вследствие поднятого корейским амбанем по имени Линь-янь бунта, (10а) мелкие простые корейские амбани вступили в подданство монгольского государства вместе с более чем 50 городами, [подведомственными] Западной столице. Хан Си-цзу отправился в военные округа, выбрал лучших 3000 воинов из Ванцонь и Хунсацо и отправил для водворения спокойствия в Корею. Амбань Ли Яньлин из корейской Западной столицы просил увеличить войска, поэтому [хан] к Мин Гуду присоединил [еще] 2000 воинов и отправил для увеличения сил [корей-

ского войска]. Хан Си-цзу спустил указ: «Во всех губерниях кормить вдов, бобылей, людей с природными недугами, выдавая ежемесячно на одного человека по два четверика-хяэ зерна!»

Критериев (мерок. — *Л.Т.*), [по которым бы определялось количество предметов], предоставляемых в дань государством Аньнань, [еще] не существовало, и хан Си-цзу назначил Чжан-тин-чжэня [своим] заместителем *чао-лэ-дайфу*, чтобы [Чжан-тин-чжэнь мог вместо него] назначать *даругачи* в государстве Аньнань и привешивать на [их] пояса золотые половинчатые печати [в знак назначения их правителями в городах и областях завоеванной страны]. Чжан-тин-чжэнь после этого отправился в долгий путь через государства Туфань, Дали, другие варварские (*мань*) государства и прибыл [наконец] в государство Аньнань. Когда аньнаньский ван долго воздерживался (10б) от принятия указа, то Чжан-тин-чжэнь сделал [ему] выговор: «Великий император не разделяет ваши владения на военные округа (*цзюнь*) и уезды (*сянь*). То, что, отодвинув тебя [от управления], назначил пограничным вассалом, посылал послов, [которые] приходили с сообщениями, — это есть доброта и милость. Если ван, став для государства Сун губами и зубами, опрометчиво считает себя возвышенным и великим, то ныне город Сяньян взят в осаду миллионной армией, и вечер или утро [его] падения [уже] на подходе. [Город] будет немедленно уничтожен, как после переправы через реки [уничтожаются используемые для упаковки вещей] обертки из [сплетенных из травы и тростника] рогожек, так-то! На что ван опять понадеялся? Кроме того, если войска из страны Юньнань действительно придут, то нельзя [ждать, что только] на два месяца. [Они] придут в твою страну, прервут [веками совершаемое] жертвоприношение твоим предкам, и те, которым это будет нетрудно [сделать], осядут [в твоей стране]! Ты до тонкости разберись и обдумай [все]!» Правитель государства Аньнань — Чэнь-гуан-бин — испугался, преклонил колена и принял [наконец] указ. Через несколько дней Чэнь-гуан-бин сказал Чжан-тин-чжэню: «Совершенномудрый (11а) сын Неба любит меня, но приходившие [от него] послы многих норм поведения не [знают]. Ты называешься *дайфу* (заместник, букв.: районный помощник. — *Л.Т.*). Я называюсь *ван* (князь). В древних законах могло ли быть такое — приравнять одного к другому и вместе принять [это как] правило?!» Чжан-тин-чжэнь ответил: «Есть в древних законах! Сказано: Хотя бы ханский посол и был малого [чина, но его чин] выше достоинства губернского *бэйсэ* (*бэйцзы* — князя)». Чэнь-гуан-бин [снова] спросил: «Когда бы ты в будущем прошел мимо города Ичжоу и встретился с юньнаньским ваном, то разве не исполнил бы обряд коленопреклонения?» Чжан-тин-чжэнь ответил: «Юньнаньский ван — это сын хана. А если назвать [тебя, то] ты [всего лишь] с помощью обмана провозглашенный ван внешнего маленького государства. Можно ли [тебя] сравнивать с юньнаньским ваном?! Кроме того, сын Неба назначил меня правителем и отправил в твое государство. Престол для тебя [слишком] высок». Чэнь-гуан-бин спросил: «Если государство называется великим, то почему [оно] просит у моего государства носорогов и слонов?» Чжан-тин-чжэнь ответил: «Доставка местных произведений страны (11б) есть обязанность пограничного вассала». Чэнь-гуан-бин не нашел слов для ответа и покраснел от стыда. Велел заслонявшим [его] особу воинам стать вокруг Чжан-тин-чжэня и устрашать [его]. Чжан-тин-чжэнь снял с себя подвешенный на боку меч, распростерся, как неразумный, в ямыне [на полу] и добровольно позволил напасть на себя. После этого Чэнь-гуан-бин стал во всем соглашаться с мнением всех амбаней [?!]

На следующий год Чжан-тин-чжэнь и посол из государства Аньнань прибыли для доставки предоставляемых в качестве дани вещей. Когда Чжан-тин-чжэнь встретился с ханом Си-цзу и сообщил обо всех словах Чэнь-гуан-бина и о своих ответах, то хан

Си-цзу чрезвычайно хвалил [его] и сказал: «Возьми звание чиновника Палаты выдающихся литераторов (*Ханьлинъюань*)!»

Корейский ван Ван-чжи назначил послом амбаня Пу Чжэ и отправил вместе с монгольским *кади* (духовным судьей. — *Л.Т.*). Слова доставленного им поздравительного адреса: «Приняв отправленный ханом указ, (12а) снова вззошел на престол. После сего буду приходить для представления». И в двенадцатой луне корейский ван Ван-чжи пришел, чтобы лично представиться [хану].

В седьмой год Цзыюань (1270 г. — *Л.Т.*), в первой луне был построен ямынь *шаниушэн* (ведающее бумагами управление. — *Л.Т.*). Амбаня по имени Худудал назначил в ямыне *чжуншуншэн чэнсяном* (министром. — *Л.Т.*) левой стороны. Монгольский амбань по имени Шунь-сы схватил живым сунского чиновника из *тун-чжи чжуншэнцзу*. Хан Си-цзу включил корейскую Западную столицу в число своих [городов] и переименовал [ее] в Дуннинфу (Восточная спокойная резиденция). Горный хребет Цыбэйлин⁶ сделал пограничной линией.

Во второй луне более 10 000 пеших и конных [воинов] вышли из сунского города Сяньян и на сотне с лишком судов приплыли, чтобы захватить Ваньсянпу. Монгольский [ханский приближенный] амбань Чжан-хуньфань-тото с двумя сотнями воинов (12б) вступил в сражение [с ними] и нанес поражение. Хан Си-цзу, узнав об этом, наградил [своего приближенного] золотом и шелковой тканью.

Когда корейский ван Ван-чжи приходил лично представиться хану, то выразил желание встретиться с ханским сыном Янь-ваном, но хан Си-цзу в спущенном указе объявил: «Ты, правитель одного государства, по правде говоря, [уже] прекратил представляться мне». [В ответ] на те слова Ван-чжи сказал о своем сыне Ван-цзэне: «Пусть он будет представляться!», — и хан Си-цзу принял [его] слова. В указах хана Си-цзу, спущенных Ван-чжи, было сказано: «За то, что изъявил покорность после [других], определил тебе такое место (букв.: сидение-стояние. — *Л.Т.*) в [церемониальном] строю: в [самом] конце за всеми ванам и прочими. Во времена моего [деда, хана] Тай-цзу за то, что И Духуа изъявил покорность первым, [хан] немедленно определил ему место в строю — впереди всех ванов и прочих. За то, что Ань Цзылань изъявил покорность после [других, хан] определил такое место в строю — в конце шеренги всех ванов. Да ты, амбань, также и об этом, вероятно, знаешь! Далее, [я] спустил указ, в котором приказал вану по имени Тэо-нянь-го: (13а) „Взять войска, идти в прежнюю корейскую столицу, назначить *даругачи* ями в Корее Тотодола (Тото-эла? — *Л.Т.*) и Чжоу-тянь-и и препроводить Ван-чжи назад в [свое] государство!“ Далее, вот что было сказано [мною]: „Нельзя [старшему амбаню] Линь-яню простить его вину: отстранение [корейского] вана [от управления] и самовольное, особым образом, возведение [на престол его младшего брата Ван-чана]. Нань-цин-гун простил Ван Чану его вину: восхождение [на престол] по принуждению. Когда какой-нибудь человек схватит и доставит Линь-яня, то, хотя бы и сказали, что [он] его сообщник, непременно будет повышен в должности“».

Монгольские амбани по именам Ачжу и Лю-чжэн устно доложили хану Си-цзу: «Если говорить об окружении сунского города Сяньян и наблюдении [за ним], то сначала нужно непременно обучить войска речного [флота] и построить военные корабли», — после чего хан Си-цзу сказал: «Справедливо», — велел обучить 70 000 воинов речного [флота] и построить 5000 военных кораблей.

В четвертой луне (13б) во всех губерниях учредил при управлениях присутственные места для обучения монгольской письменности. Отправленный в Корею чинов-

⁶ Цыбэйлин — горный хребет у Хуанчжоу.

ник, принявший на свою ответственность дела [корейского] ямыня *чжуншушэн*, командировал посла, пришедшего с сообщением: «Линь-янь, захвативший власть в свои руки, умер. Его маленький сын Линь-вэй-моо самовольно занял отцовский престол. Убив секретаря (*шаншу*) Сун Цзунли, [приказал] всему народу, [жившему на] острове, следовать за собой и переселиться в прежнюю [корейскую] столицу. Собратья Линь-яня вместе с Хоки-бэй-цзун-сунем и главными покорными [им] разбойниками также собрали толпу, объявили ваном Чэнь-хуахоу и бежали [с ним] на остров Цзиньдоо (Чиндо. — *Т.П.*)».

Поселившиеся в губернии Шаньси амбань Ей-су-дай-эл и Я-Цзунфань вместе с войсками Тун Цзюньсы из Дунчуваня и Сичуваня взяли воинов и нанесли крупное поражение сунскому войску под командованием цзядинских Сун Цина Диоо-юя на реке Махугиан и захватили три крепостцы⁷. (14а) Был схвачен *дунун* Ниоховань. Было захвачено большое [количество] пленных, лошадей, крупного рогатого скота и кораблей. Монгольский великий главнокомандующий (*ду юаньшуйай*) Ей-су-дай-эл взял войска, ограбил земли у города Гуанчжоу⁸ и нанес поражение сунским войскам в местах важных [караульных] постов и вышек.

В восьмой луне сунский командующий Фань-вэнь-ху принял войско, [служившее] на 2000 кораблей, и пошел на помощь городу Сяньян. Трое амбаней по именам Ачжу, Хоа, Лю-чжэн взяли войска и вступили в сражение на открытой песчаной косе с Гувань Цзитанем. Убили более 1000 человек, захватили 30 кораблей, после чего Фань-вэнь-ху вернулся [назад со своим] войском.

В десятой луне хан Си-цзу издал указ: «Когда объявляется о жертвоприношениях в храмах предков, то записывать [об этом] в государственных книгах!» И вот еще о чем говорилось [в указе]: «Когда в будущие годы будут совершаться жертвоприношения в великом храме, то не употреблять возвращенных в домах свиней! (14б) Вместо [них] приносить в жертву диких свиней (кабанов)! Не закупать фрукты в других местах! Снимать фрукты с садовых фруктовых деревьев и ставить [их в качестве] жертвенных снедей!»

Чэнь-гуан-бин, ван государства Аньнань, прислал посла, пришедшего для представления дани. Когда хан Си-цзу отправлял в Японию амбаня по имени Чжоо-лян-би, то хотел отправить [вместе с ним] 3000 воинов, но Чжоо-лян-би отказался: «Не нужно», — взял только 24 гражданских чиновника, сел [с ними] на корабль, долго плыл и приблизился [наконец] к острову Цзинь-цзинь-доо. Когда японцы, заметив корабль, пришли для нападения, то Чжоо-лян-би сошел с корабля, поднялся на берег и дал ясно понять: «Имею ханский указ», — после чего чиновник, охранявший остров Цзинь-цзинь-доо, ввел [его] в деревянный дом. [Японские] воины обступили [его] со всех сторон, [ночью] погасили лампы-светильники и громко кричали, но Чжоо-лян-би совершенно не обращал на них внимания. Когда рассвело, (15а) то чиновник ямыня великих ценностей того государства выстроил в боевом порядке воинов на горах всех четырех сторон. Когда спросил о причине прибытия, то Чжоо-лян-би перечислил их (японцев) непочтительные действия и, вразумительно [объясняя], рассказал о нормах поведения (*доро*) и моральных обязательствах (*чжургань*), после чего чиновник [ямыня] великих ценностей покраснел от стыда, но потребовал: «Поддай доставленную бумагу!» Чжоо-лян-би ответил: «Непременно и только тогда отдам, когда встречу с вашим ваном!» — и не отдал. По прошествии нескольких дней чиновник снова пришел с требованием отдать бумагу и сказал: «Хотя [ты] и говоришь о по-

⁷ Все [эти места расположены] ниже восточных, западных рек и [реки], у которой выдают [дочерей] за муж и заключают [союзы]; выше реки, из которой кони пьют [воду], и [все они] подведомственны Сычуани.

⁸ Гуанчжоу подведомствен Жунинфу, находится в Хэнаньской губернии.

сольствах древних времен, но в действительности [послы к нам] с восточной стороны ямыня великих ценностей нашего государства не приходили. Ныне сюда прибыл [ты] — посланный великим государством посол. Если не показываешь и не отдаешь доставленную бумагу, то как заставишь поверить [тебе]?!» Чжоо-лян-би ответил: «Согласно документам [мы знаем]: во времена, когда [к вам] прибыл сановник Бэй Цин от суйского Вэньди, то ваши ваны исполняли обряд вежливости — выходили из города и встречали. Во времена танских ханов — Тай-цзуна и Гоу-цзуна (Гао-цзуна. — *Т.П.*) — все командированные послы (156) имели возможность встретиться с ванами. Но [нынешний] ван не [желает] встретиться только с вельможей, командированным великим государством. Для чего же беспрестанно говоришь: „Отдай бумагу!“ — и снова посылаешь [людей] причинять [мне] беспокойство и расспрашивать?!» Чжоо-лян-би не отдавал бумагу даже под угрозой воинов [расправиться с ним]. Только написал начерно самую малую [ее часть] и показал. Когда после сего еще и распространили молву: «Крупный военачальник с 100 000 воинов пришел забрать бумагу», — то Чжоо-лян-би сказал: «В случае, если, не позволив встретиться с твоим ваном, заберешь мою голову, хотя бы так решив дело, то письмо никоим образом не получишь!» После этого государство Жибэнь, узнав о невозможности унижить его, отправило двенадцать своих человек, которые прибыли в государство Монго. Когда Чжоо-лян-би [на обратном пути] снова прибыл на остров Дуймэньду, то три племенных вождя государства Цзиньцзыбио — Анифу, Лэдин и Анигува — пришли изъявить покорность и поднесли в дар трех слонов и девятнадцать лошадей.

(16а) В восьмой год [эры правления] Цзы-юань (1271 г. — *Л.Т.*), во второй луне по указу хана Си-цзу чиновники министерства [обрядов] утвердили [списки] подарков, посылаемых во время сватовства и свадеб, [четко] разделив [весь] народ на знатных и ничтожных. Амбань по имени Ей-су-дай-эл словесно доложил: «Ныне вследствие голода от неурожая много воров и разбойников. Их нужно собрать в одном месте и убить», — после чего хан Си-цзу обсудил [этот вопрос] со всеми амбанями на общем совете, во время которого министр Ань-тун сказал: «Убить всех преступников [означает]: не соответствовать закону. Хотя бы [разбойники] и были людьми, совершившими смертные преступления, дела нужно решать, по-прежнему исходя из ханских указов». И хан принял его слова. Главкомандующий по имени Ачжу, темник Алаха и прочие вступили в сражение на голой, извилистой, открытой песчаной косе с сунским командиром корпуса (*цзянцзюнь*) [по имени] Фань-вэнь-ху и разбили [его] войско. Было захвачено свыше сотни человек, отправленных на помощь чиновником, управляющим пленными и освобожденными [людьми], и большое [количество] военного оружия. (16б) Хан Си-цзу велел войскам восточной губернии окружить город Сяньян. Амбаням по именам Сай-дянь-чи и Чжэн-дин сказал: «Приняв войска для вторжения по воде и по суше, идите к городу Цзятин!» Амбаням по именам Ван-лян-чэнь и Пэн-тянь-чан сказал: «Примите войска и отправляйтесь к Сунцину!» Амбаню по имени Сала-бу-хува сказал: «Прими войска и выходи к [городу] Лучжоу!» Амбаню по имени Чюй-ли-чжи-сы (Цюй-ли-цзи-сы. — *Л.Т.*) сказал: «Прими войска и двигайся к [городу] Жучжоу!»⁹ Сказав [так], отправил. Приказав разделить на части силы врага, [тем самым] сделал невозможными [его активные] действия.

В тот год государство Лоо-юй предоставило дань государству Монго. Тридцать семь племен государства Дали хан Си-цзу распределил по трем губерниям.

В шестой луне сунский корпусный командир Фань-вэнь-ху взял 100 000 воинов речного [флота] под командованием Су Лио-и и Са Суна (17а) и пришел на помощь

⁹ Эти четыре города подведомственны губернии Сычуань.

городу Сянъян. Главкомандующий по имени Ачжу со всеми корпусными командирами встретил [противника], вступил в бой, одержал победу и захватил более ста судов. Далее, монгольский амбань по имени Хода отправил сановника Чжай-жу-цзи-сэ с приказом: «Преградить путь и вступить в бой с тем войском!» Два амбаня Чжу Жисинь и Чжун Гоо были схвачены живыми. Победа над врагом была полной.

В седьмой луне сунский командующий Лай Сингувэ взял войско и пришел сражаться к монгольскому [военному] лагерю. Командующий по имени Ачжу в битве [с ним] одержал победу, долго преследовал, настиг на острове Дувань-тань и смог убить свыше 2000 [человек]. Монгольский Тун-бин-сы взял войско и пришел для осады сунской крепости Тун-ба-цай, поэтому Цзун-гувань, главный чиновник, охранявший эту крепость, взял всех защитников крепости Ли-цин и изъявил покорность. Монгольский амбань по имени Ей-су-дай-эл (176) в сражении с сунским войском на реке Гухоо одержал победу. Шаньдунский губернатор Тун Цзюньсы устно доложил хану Си-цзу: «Сунское войско днем пришло к нашим городам сражаться. Офицер *цянъху* напал на Цзян Ду и его людей и нанес поражение, Тунчжи поджигал паруса судов Фань-гуаня. Захватили 50 человек и сотню судов».

В одиннадцатой луне (1271 г. — *Л.Т.*) хан Си-цзу объявил название [монгольской] династии — Дай Ювань (Дай Юань. — *Л.Т.*) и спустил манифест. Слова того манифеста: «Как только принимают великий указ и становятся верховными [государями] внутри четырех морей, то непременно наследуют [извечные и неизменные три вида] отношений ушедших ханов — [правителя и подданных, старшего и младшего, отца и сына], — чтобы оставить [по себе] доброе имя. Законы, начало которым положили древние тексты, не являются, [следовательно, законами], установленными мной одним. Слово *тан* означает „пространный“. *Тан* — [так] хан Яо назвал государство. (18а) Слово *юй* означает „радость“. *Юй* — [так] хан Шунь назвал государство. Из приходивших после них вслед друг за другом [ханов] хан Юй привел [государство] в цветущее состояние, хан Чэн Тан взошел [на престол], государству давались названия *Ся* и *Инь*. Слово *ся* означает «великий». Слово *инь* означает „середина“. После них прошли века [и века], в сравнении с которыми [нынешние] дела стали другими, а древние тексты стали [считаться] ложными. Хотя в наступившие времена государство осталось, но о том, чтобы следовать должному [древнему порядку], не провозглашалось. *Цинь* (221–207 гг. до н.э. — *Л.Т.*) и *Хань* (206 г. до н.э. — 220 г. н.э. — *Л.Т.*) — [так] назывались первые возвысившиеся царства. *Суй* (581–618 гг. — *Л.Т.*) и *Тан* (618–907 гг. — *Л.Т.*) — [названия государств, чьим правителям], возведенным в достоинство [императоров], изъявили покорность [многие народы]. Если вслед за слухами и поверхностными знаниями обо всех этих народах сосчитать нравственные правила (*чжургань*), [то узнаем, что] не было недостатка в тех из них, к которым однажды приспособились, [с их помощью] полновластно распоряжались и решали дела. Мой [дед] Тай-цзу, совершенномудрый могущественный император, согласуясь с Небесным указом, воспарил из Северной страны и, сотрясая четыре страны света гениальностью и могуществом, сделал огромными [свои] владения. Со времен древности топографической карты, подобной [карте его владений], не бывало. (18б) Ныне постоянно приходят многие старики и напоминают: „Нужно взойти на великий престол и быстро утвердить великое название [империи]“. [Я еще] до них говорил: „Какая мне надобность в изначальных нравственных правилах (*чжургань*) [и нормах поведения]?“ — и потому дал название государству. В [китайской классической] книге *Ицзин* („Книге перемен“) сказано: Слова *дай юань* означают: *Первоначальное Небо*. Приняв те нравственные правила, буду следовать [им] и вводить новые. [Слово] *доро* означает: связь между Небом и человеком. Ай-я! Сказав: „[Это] обязан-

ность“, — дал [государству] название, и это не выходит за границы добра. Желая встретиться со счастьем и жить долгий век, не отплачу неблагодарностью за прошлые страдания и истощение сил. Объявив в Поднебесной о радости, соединил ее с великим именем»¹⁰.

Список литературы

- Пан Т.А. Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. СПб., 2006.
 История Золотой империи. Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск, 1998.
 История Небесной империи. Т. 1. Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск, 2011.

Summary

Dai Yuan Guruni Suduri (The History of the Great Heavenly Empire). Juan IV.

Translation from the Manchu Language into Russian
 by *L.V. Tiuriumina*, Introduction by *T.A. Pang*

A new Russian translation of the fragment from the 4th *debtelin* of the Manchu version of the “History of the Yuan Dynasty” (*Aisin gurun-i suduri bithe*) is prepared by L.V. Tiuriumina — a specialist in the Manchu language from Novosibirsk. Her translation is more precise and complete in comparison with the translation of the same text by Piotr Kamensky done in the beginning of the 19th century and published in “The History of the Heavenly Empire” (Vol. 1, Novosibirsk, 2011, p. 123–132). The publication of the new Russian version may cast a new light on the history of the Mongol dynasty.

¹⁰ Слово *дай* [значит] «великий», *ювань* — «первоначальная причина [всего]». Имеется в виду Небо. Поэтому в подражание Небу государство названо Ювань.